

«Вы являетесь редким украшением мира академиков»*

Mikhail Kovalev

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow),

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«You are a rare adornment of the world of academicians»

DOI: 10.31857/S086956870008292-2

За последние годы выпущено немало изданий эпистолярного наследия классиков отечественной исторической науки¹. Публикации писем историков уже можно, наверное, выделить в особый археографический поджанр. Прежде всего это — уникальный источник, позволяющий заглянуть за стену из научных монографий и статей, ширму публичных отчётов и увидеть неформальную жизнь научного сообщества и его членов, изучить их творческую кухню и всмотреться в их души. Заметный рост интереса к личности творца науки, а не только к результатам его интеллектуальной деятельности, потребовал расширения источниковой базы историографических исследований. Именно поэтому в последние годы мы наблюдаем такое внимание к переписке историков.

Без фигуры Николая Михайловича Дружинина (1886—1986) представить развитие советской исторической науки невозможно. Достаточно перечислить лишь некоторые эпитеты и оценки, которые встречаются в письмах из рецензируемой публикации: «Я мало знаю людей в И[нститу]те [истории АН СССР], которых бы все так искренно любили, как Вас»

(А.М. Панкратова, 1949); «Если бы в истории науки была бы своя камера хранения мерил (наподобие палаты мер и весов), то имя Дружинина могло бы быть туда помещено как всеми признанное мерило и всеми понятное, как только оно произнесено» (Б.А. Романов, 1951); «Вы являетесь редким украшением мира академиков» (И.М. и А.А. Майские, 1966); «Я никогда бы не отважилась писать Вам об этом, если б многие годы Вы не были в моём представлении совестью нашей исторической науки» (М.Н. Захарова, 1972). Итак, перед нами не просто выдающийся учёный, но и человек, обладающий наивысшим авторитетом среди коллег по научному цеху. Именно к нему обращались за советом и поддержкой историки самых разных поколений.

Эпистолярное наследие Дружинина частично уже публиковалось². Предлагаемый сборник составлен известным археографом В.Г. Бухертом³ и включает переписку, которую Николай Михайлович и его жена Елена Иоасафовна (1916—2000) вели с коллегами в 1920—1980-х гг. В определённом смысле объединение эпистолярной супружеской пары — ход нестандартный,

* Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 467 с., ил.

но он убедительно объясняется тем, что Елена Иоасафовна фактически выполняла роль личного секретаря Николая Михайловича, нередко письма адресовались сразу обоим или писались ими вместе (с. 21—22). Всё же в центре внимания публикации находится фигура Дружинина. Изучение (и, вероятно, публикация) корреспонденции его супруги — задача будущего. Фонд историка (ф. 2121) в Архиве РАН пока не разобран и не систематизирован.

Готовя публикацию, составитель не ограничился только документами, хранящимися в личном фонде Дружинина, и результаты поисков впечатляют. Привлечены документы РГАЛИ, ГА РФ, ОР РГБ, ОПИ ГИМ, ОР ИМЛИ РАН, Центрального московского архива-музея личных собраний (ныне — часть Центрального государственного архива города Москвы).

Важной проблемой, с которой столкнулся составитель, стал отбор материалов для публикации. Только фонд в Архиве РАН включает сотни писем Дружининых и их корреспондентов. Николай Михайлович имел чрезвычайно разветвлённую сеть личных и деловых коммуникаций, что предопределило формирование обширного эпистолярного наследия. Во введении говорится, что публикатор при отборе исходил из критерия ценности содержания писем (с. 22). Думается, что такого лапидарного замечания явно недостаточно. Что в данном случае подразумевается под ценностью содержания? Почему целые комплексы писем оказались вне издания? Необходимо было остановиться на этом вопросе подробнее. Разумеется, Бухерт не имел возможности опубликовать всё эпистолярное наследие из фонда учёного. Тем не менее порой остаётся сожалеть о

том, что важные письма не попали в печать.

Это, например, касается обширной переписки с профессором Саратовского университета И.В. Порохом (81 письмо и 6 телеграмм за 1953—1980 гг.), имя которого неоднократно встречается в публикуемых письмах. Известно, что в 1905 г. Дружинин за участие в революционной деятельности был выслан в Саратов. Это обстоятельство предопределило его последующие деловые связи с местными историками. В фонде академика имеются многочисленные письма от Н.А. Троицкого, В.В. Пугачёва, Л.А. Дербова, Э.Э. Герштейн, Г.Д. Бурдея, научное значение которых выходит далеко за пределы истории региональной науки. Так, например, в них не раз возникает образ М.В. Нечкиной, с которой активно полемизировали саратовские исследователи революционного движения в России XIX в. К сожалению, публикатор отказался также от издания писем иностранных корреспондентов, среди которых было немало видных персон: Р. Пайпс, П. Хоффман, Ф. Вентури, Р. Порталь, Ю. Кульчицкий, Э. Доннерт. Между тем это расширило бы представления о международных связях советских учёных.

Ещё один вопрос возникает в отношении сохранности эпистолярного наследия раннего периода жизни историка. В предисловии отмечается, что «задача состояла в том, чтобы отразить все основные вехи жизни и творческой деятельности учёного, поэтому для публикации отбирались письма Н.М. Дружинина со второй половины 1920-х гг., т.е. с начала активной исследовательской деятельности... и до последних лет его жизни» (с. 22). Однако нигде не объяснено, почему писем 1920-х гг. почти не осталось. Связано ли это с арестом Дру-

жинина в 1930 г.? Замечания можно высказать и к биографической части предисловия. Если вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг. описаны достаточно подробно, то остальные периоды жизни историка даны в виде лапидарных справок. Читатели вправе требовать более сбалансированного очерка. Комментарии в основном касаются персоналий и библиографической информации. Между тем некоторые письма требуют и событийных комментариев. Приходится указать, что в тексте встречаются опечатки, что уже отмечено в рецензии Л.И. Шохина.

Но перечисленные недостатки забываются, когда погружаешься в чтение. Перед нами открывается интеллектуальная и повседневная жизнь советской академической элиты. Сразу бросается в глаза, что Дружинин был не склонен к резким заявлениям и осторожен в общении. Он придерживался тактики компромиссов с властью, тем более что принимал её, став марксистом ещё в дореволюционное время. Но эти компромиссы всегда имели пределы: к примеру, учёный уклонился от непосредственного участия в идеологических погромах 1930—1940-х гг., старался помочь их жертвам.

Так, в переписке звучат отголоски дела известного казахского историка Е.Б. Бекмаханова, которого обвинили в «буржуазном национализме», лишили научных степеней и отправили в лагерь. Из письма А.М. Панкратовой от 5 июля 1949 г. можно узнать, что определённую роль в гонениях на Бекмаханова сыграл С.В. Юшков, распускавший слухи о действиях «историков-националистов» во главе с ним (с. 80). В письме в дирекцию Института истории (1962) Дружинин заступился за научного сотрудника сектора истории СССР периода ка-

питализма В.Ф. Захарину, которую хотели сократить на основании отсутствия учёной степени. Он напомнил, что это во многом связано с тем, что исследовательница 11 лет находилась в заключении (с. 238—239). Помогал он и в реабилитации репрессированного историка Н.Н. Улащика (письмо президенту АН СССР А.Н. Несмеянову от 17 декабря 1954 г., с. 144—145).

Крайне интересна переписка, касающаяся знаменитой дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» (её основные события развернулись в 1963—1964 гг.). А.А. Зимин обращался к Дружинину, который не являлся специалистом по древнерусской истории и литературе, памятуя о его репутации справедливого человека. Из писем можно узнать, что академик давал совет сбить накал страстей. Интересен подробный разбор его замечаний и предложений Зиминим (с. 250, 252, 256—262). Очевидно, что эти источники вносят новые штрихи в наши знания об одном из самых известных и скандальных событий советской исторической науки.

Письма позволяют раскрыть научное мировоззрение Дружинина. Так, в послании одному из своих учителей Р.Ю. Випперу (2 марта 1948 г.) он признавался: «Ни один из профессоров Московского университета не оказал такого сильного влияния на моё научное развитие, как Вы» (с. 77). Впрочем, это тема многогранная и требующая специального внимания. Стоит отметить, что становление Дружинина как историка до сих пор не разработано, и специалистам по истории исторической науки ещё предстоит выявить, в чём же состояло влияние Виппера.

Наиболее доверительные отношения, если судить по данной публикации, у Николая Михайловича сложились с В.К. Яцунским. В письмах

можно обнаружить обсуждение теоретических вопросов (например, может ли советский историк быть беспристрастен), проблем развития и организации исторической науки. Дружинин писал: «Мы с Вами — люди одного поколения, одной и той же школы и в основном одних и тех же взглядов. Нам с Вами легко понять друг друга и сохранять научную терпимость даже тогда, когда мы расходимся в отдельных мнениях» (13 ноября 1957 г., с. 176). Интересно в письмах раскрывается личность Яцунского, склонного к смелым, даже резким выводам, полемическому задору, и называвшим себя «заядлым западником» (с. 62).

Другим корреспондентом, с которым много обсуждались проблемы развития исторической науки, являлся Б.Б. Кафенгауз. После издания известной книги Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва» (Т. 1. М., 1946) он писал, что работа «восстанавливает тот тип большой монографии, основанной на архивном материале, который, мне думается, был создан нашими учителями — учениками Ключевского» (с. 59). Вообще Кафенгауз считал, что «мы продолжаем работать, в особенности в монографиях, на почве учёной традиции, на основе, созданной московской школой Соловьёва—Ключевского и в особенности его учениками» (с. 60). Тем не менее он писал и о «новых чертах исторической науки», а в книге Дружинина «увидел осуществлённым с наибольшей отчётливостью то, что, мне кажется, является задачами новой, подлинно современной исторической науки». Ответ был следующим: «Ваши рассуждения о новой советской школе во многом верны. Наше поколение не только вобрало в себя влияние предшествующих (иногда односторонних) течений,

но пережило огромный жизненный опыт, которого не знали ближайшие и отдалённые учителя» (с. 61). Интересно, что о марксизме-ленинизме, как главном факторе «превосходства» над другими теоретико-методологическими подходами, не говорилось ни слова.

Вообще заметно, что вокруг Дружинина в 1960—1970-х гг. сложилось своеобразное «сообщество памяти» — круг историков, для которых он является символом прожитой ими же исторической эпохи. Особый интерес вызвали воспоминания академика, опубликованные сначала в журнале «История СССР» (1962), а затем вышедшие отдельным изданием⁴. Известный историк и литературовед Ю.Г. Оксман писал: «Новое поколение гуманитарной интеллигенции тянется к живому слову, к подлинному документу, оно одинаково не верит официальной историографии, газетной передовице, всякого рода “литературшине” в худож[ественной] прозе, в стихах и даже в драматургии — везде требуется если не “подлинность”, то иллюзия подлинности... Под этим углом зрения жадно читаются и Ваши “Воспоминания историка”» (с. 302—303).

Дружинин являлся влиятельным членом АН СССР. Большой интерес представляют письма, раскрывающие внутреннюю жизнь Академии. Так, из письма главному учёному секретарю Президиума АН А.В. Топчиеву от 24 октября 1953 г. выясняется, что именно Дружинина прочили на пост академика-секретаря, но он от этой должности отказался (с. 133). Место в итоге занял М.Н. Тихомиров. Большой интерес представляют письма Яцунскому об академических выборах, из которых видно, насколько сложно они проходили. Их результат определялся не столько «гамбургским

счётом», сколько борьбой академических коалиций и ситуативными соображениями. С 1960-х гг. в выборы всё больше вмешивались партийные структуры, проводившие свою политику через партийных членов Академии, которые заранее договаривались, за кого будут голосовать. Дружинина беспокоила складывающаяся ситуация. Любопытны оценки тех или иных кандидатур и объяснение причин их провала или успеха. Интересно письмо президенту АН М.В. Келдышу (от 7 января 1967 г.), в котором учёный изложил соображения об улучшении процедуры выборов (с. 294—295).

О содержании писем можно говорить долго. В конце концов, каждый источник неисчерпаем. В заключение стоит упомянуть и информативные приложения. Несмотря на ряд недостатков, книга представляет несомненный интерес для специалистов. Она подтверждает, что дальнейшее изучение эпистолярного наследия Н.М. Дружинина позволит полнее представить развитие советской исторической науки и поставить ряд новых проблем. Одновременно она свидетельствует о необходимости углублённого изучения жизни и творчества видного отечественного историка и написания его всеобъемлющей и беспристрастной биографии.

Примечания

¹ Например: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. М., 2001;

Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков): (1886—1900 гг.) / Сост. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников. Омск, 2003; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова, 1883—1930 / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2003; Т. II. Кн. 1. Переписка С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова, 1886—1901 / Авт.-сост. А.В. Макушин и П.А. Трибунский. М., 2011; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940—1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010; «История в человеке» — академик М.В. Нечкина / Под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011; Профессор Башарин: переписка с историками (1950—1974 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт; отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск, 2012; Учёный в эпоху перемен. Н.И. Кареев в 1914—1931 гг.: исследования и материалы / Авт.-сост. Е.А. Долгова. М., 2015; Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл., примеч. А.И. Ключева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018; и др. Кроме того, существуют многочисленные публикации в отдельных сборниках и периодических изданиях: *Беленький И.* Российское научно-историческое сообщество в конце XIX — начале XX вв.: публикации и исследования 1940—2010-х гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 341—478.

² *Дружинин Н.М.* Избранные труды: воспоминания, мысли, опыт историка / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М., 1990.

³ На издание уже появились рецензии: *Шохин Л.И.* Рец. на кн.: Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2018 // Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 119—122; *Корзун В.П.* Профессия как жизнь. Письма действительного члена АН СССР Н.М. Дружинина и члена-корреспондента АН СССР (РАН) Е.И. Дружининой // Исторический архив. 2019. № 2. С. 194—197.

⁴ *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967; Изд. 2. М., 1979.